

Ю. В. ГОЛИК

О Горбачеве

Михаил Сергеевич Горбачев... Наш исторический персонаж, фигура неоднозначная. Об этом написано в последнее время слишком много. В основном восторгаются тем, как он появился: молодой, энергичный, не зашоренный, говорит свободно без бумажки и без подготовки на любые темы где угодно и с кем угодно... Говорят так же, что он дал нам свободу. Кому «нам»? Какую свободу? От кого? От чего? — Никто не хочет отвечать на эти вопросы.

Я попал в поле зрения Горбачева как Народный депутат СССР. Попал с подачи А. И. Лукьянова. В феврале 1991 г. он неожиданно назначил меня Председателем Комитета при Президенте СССР по координации деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью. Назначил, даже не поговорив со мной об этом. После этого назначения я всего лишь два раза встречался с ним как председатель Комитета. Оба раза разговор (говорил только он) был ни о чём. Первый раз после того разговора я в полном недоумении вышел из кабинета. В приёмной сидел В. И. Болдин — руководитель его аппарата. Я высказал ему своё недоумение, а в ответ: «Привыкай». Теперь я вижу, что за всеми словами и разговорами Горбачева ничего не стояло. Он не предпринимал никаких шагов сам, не требовал этого от других, а иногда даже противился таким шагам. Такой великий говорун.

Закончил свою карьеру клятвопреступлением. Он бросил занимаемую должность, хотя не имел на это никакого права. Люди от него ждали действий, а он просто отвернулся от всех и сбежал. Это не забудется никогда.

И тем не менее М. С. Горбачев — это Фигура.

А. С. ГРАЧЕВ

Михаил Горбачев и его эпоха

Чем измерить след, оставленный Горбачевым? Уходящих в историю политиков мерили разной шкалой ценностей. Когда А. Пейрефитта, бывшего французского министра и пресс-секретаря де Голля, спросили, какое наследство оставил после себя ушедший в отставку генерал, тот ответил: «пример». Советник другого французского президента, Ф. Миттерана, бывший министр иностранных дел Франции Ю. Ведрин считал: для оценки политика и государственного деятеля существует только один критерий — результат.

Человек, который никогда не был ничьим помощником, диссидент К. Любарский, разделяя это мнение, хвалил Горбачева не за намерения и обещания, а как раз за результат: «Хочется, прежде всего, сказать ему спасибо за то, что он сделал для нашей свободы больше, чем кто-либо иной, и не только его вина, что мы не смогли ею в полной мере воспользоваться. Неважно, что Горбачев делал это не всегда сознательно, иногда даже с противоположными намерениями, — в истории в конечном счете оценивается лишь результат, а он превзошел все ожидания».

После Горбачева, потомственного пахаря, в российской и мировой истории осталась глубокая борозда. Можно ли однозначно оценить сделанное им, ведь его фигура, как и личность, до сих пор остаются предметом споров и разноречивых толкований. Для одних Горбачев — «могильщик» великой державы и коммунистической мечты, для других — идеалист, пророк социализма с человеческим лицом. Он бросал вызов и тем, кто был убежден, что такого социализма не существует, и тем, кто считал, что реальный социализм в человеческом лице не нуждается. Одни вменяли ему в вину романтическую веру в «автоматизм демократии», другие — то, что был недостаточно решительным и жестким лидером в стране, привыкшей к царям и тиранам. Кто ближе к истине?

Итог шести с половиной лет, проведенных Горбачевым на вершине власти в Советском Союзе, — не только окончание «холодной войны», продолжавшейся почти пятьдесят лет и не раз ставившей мир на грань третьей «горячей», но и фактическое воссоединение мировой истории, раздвоившейся на два русла в начале XX века после русской революции.

Начатая Горбачевым Перестройка стала уникальным событием, поднявшим во всем мире беспрецедентную волну ожиданий и надежд, вызвавшим восторги, сменившиеся разочарованиями, и оставившим массу не ответченных вопросов. Но, главное, принципиально изменившим Россию и наложившим отпечаток на последующее мировое развитие.

Приступая к своим реформам, Горбачев исходил из убеждения в том, что советское общество — достаточно современное, зрелое и развитое во всех отношениях для того, чтобы выйти на уровень демократического самоуправления и занять достойное место в глобальном мире, идущем к новому веку. Он ведь не замыслил создать другую страну на месте старой, а лишь хотел помочь ей измениться.

Однако очень быстро Горбачеву пришлось убедиться в том, что преобразовать мир оказалось легче, чем реформировать и изменить Россию. Избрав главными инструментами своего проекта реформы проповедь демократии и гласности, отказавшись, вопреки совету Достоевского, от неотделимых от власти «тайны и авторитета» (зная к тому же, что «авторитет» правителя в России слишком часто завоевывался лишь неординарным злодейством), Горбачев в глазах многих превратился в «слабого», нерешительного лидера, которому оказалась не по плечу взятая на себя ноша.

Внешне, возможно, это так и выглядело: ведь начав в 85-м с того, что он «мог все», Горбачев закончил к декабрю 91-го тем, что фактически уже не мог ничего. Но как же в таком случае этот «нерешительный», всюду и постоянно «опаздывавший» лидер ухитрился раньше многих войти со своими принципами и проектами в будущее, в новый, еще только наступающий век? Как удалось ему, действуя больше словом, чем делом, и скорее примером (вспомним де Голля), чем принуждением, произвести всего за несколько лет, отведенных ему историческим случаем, такое потрясение, такой глубокий поворот в российской и мировой истории?

Те, кто клеймят его за то, что он «промотал» доставшуюся власть, не учитывают, что его первоначальное могущество было всесилием должности, опиравшимся на партийную диктатуру, и что именно ее разрушение было частью его замысла. Власть не ушла, как песок или вода, из рук Горбачева — он начал созна-

тельно передавать ее тем, кто был лишен доступа к ней, раздавать, как Христос свои хлебы, рассчитывая накормить ими всех. Но он не был Богом, и накормить всех, тем более властью, ему не удалось, к тому же произошло то, что обычно бывает при бесплатной раздаче: одни передрались, другим ничего не досталось.

В результате число недовольных лишь увеличилось, и даже люди, поддерживавшие его в прошлом, не захотели простить ему не только плачевных итогов реформ, но и самого ее замысла. До сих пор многие упрекают его в том, что он добровольно отдал власть, не обратившись к помощи армии. Что ж, тогда сегодня мы бы с сожалением вспоминали не о его отставке, а о том, что в декабре 1991 года Горбачев превратился в Ельцина или Путина. Слава богу, этого не произошло.

И еще одно не прощают Горбачеву — то, что вместе с «рас-транжиренной» властью он попробовал восстановить суверенитет человека по отношению к государству, и тем самым освобождал от ответственности «нас» самих. Такое не прощается.

Не сводится ли объяснение политической трагедии перестройки к тому, что у власти в не вполне нормальной стране оказался человек с нормальными нравственными рефлексам и чувством здравого смысла, что стало фатальным для сложившейся Системы и, в конечном счете, для государства.

Но хорошо ли это, если не пророк, не политический мыслитель и не футуролог, а государственный деятель, по должности обязанный стоять обеими ногами на земле, больше связывает свою деятельность с будущим, чем с настоящим? И как быть людям возглавляемой им страны, которым он предлагает себя догонять? Ответ не только за ним, но и за нами...

Но «Шансом Горбачева» пренебрег и Запад. Если российское (советское) общество не прошло испытания подаренной свободой, то западный мир — испытания исторической победой над коммунизмом. После распада СССР Запад пытался управлять миром, как будто настал конец истории, как будто мир вот-вот должен был стать большим Западом. Надо ли напоминать, что нынешняя Россия и современный мир на световые годы отличаются от оптимистической перспективы, которую рисовали проекты демократического обновления страны и миражи нового политического мышления.

Россия и США не сумели найти совместный выход из «холодной войны» и закончили ее не союзниками, а соперниками. Обещанная стабильность международных отношений не наступила, возобновилась гонка вооружений, а сила в виде государственного принуждения или террористического насилия возвращается в арсенал мировой политики.

Стрелки часов на обложке бюллетеня американских ученых-атомщиков, которые показывают время, оставшееся до третьей начала третьей мировой войны, вплотную придвинулись к полуночи, — положение, в котором они были в 1953-м году.

«Горбачев пришел слишком рано», — говорил Михаил Сергеевич, как бы отстраняясь от себя, как от независимой политической фигуры. Рано для чего? Чтобы быть услышанным и понятым? Или чтобы увидеть плоды своих трудов? Но кто за него и кроме него мог бы для этого загодя посадить плодовые деревья?

Впрочем, он и сам это понимал и не ждал ни прижизненного признания, ни исторической «реабилитации». Он считал, что «все равно когда-то, что-то должно было начинаться». Никто не может упрекнуть его в том, что он не попытался использовать свой шанс для того, чтобы «что-то началось». Поэтому история конца 20-го века останется навсегда поделенной на то, что было до Горбачева и то, что наступило после него. Она стала эпохой Горбачева уже потому, что именно он подвел черту под главным конфликтом столетия и, перевернув эту страницу истории, дал возможность писать ее дальше с чистого листа.

